

Максим КУРОЧКИН, драматург:

Я терпеливый чувак

Известия. - 2002. - 7 окт. - с. 8.

Максим КУРОЧКИН — один из самых интересных и известных молодых драматургов. До недавнего времени его известность имела специфический характер: Курочкина знали и любили театральные люди, его пьесы ходили по рукам, издавались мизерными тиражами, а на сцене не шли. Но недавно курочкинскую «Кухню» поставил Олег Меньшиков и сам сыграл в своем спектакле, в нынешнем сезоне у Курочкина была премьера в филиале Театра имени Пушкина. Над его «Имаго» работало целое созвездие известнейших людей, впереди еще одна премьера...

К нему пришла настоящая известность, и сразу после премьеры «Имаго» с молодым драматургом встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ.

— Еще несколько лет назад современной драмы на сцене не было вообще. Сейчас театр к ней обратился — с чем это связано?

— Жизнь устоялась, и можно писать, зная, что пьеса не устареет так, как это было лет пять—десять тому назад. В этом отношении наше время прекрасно. Дра-

матургу выгодно иметь дело с прочными понятиями. А реалии сегодняшнего дня крепки — не то что позавчерашние мутанты-однодневки, кооператоры и «новые русские».

— Наш драматический театр сводится к системе заданных от века условностей. А ваши тексты

оставляют ощущение, что драматургу Курочкину на эти условности наплевать...

— Нет смысла входить в эту систему. Подсознательный процесс сближения все равно идет, а давать себе сознательный приказ подстраиваться под сцену-коробку... Это просто глупо.

— Вам не кажется, что таким образом вы отсекаете себя от широкой аудитории?

— Это вопрос амбиций. Да, на какой-то период я отсекаю себя от большой аудитории — но только потому, что хочу еще большую аудиторию чуть-чуть попозже. Я согласен ждать. Я терпеливый чувак.

— Во времена оны говорили о драматургии «новой волны», скопом записывая туда Петрушевскую и Садур, между которыми

было очень мало общего. Теперь говорят о «новой драме». Как вам кажется, корректен ли этот термин, что общего у тех, к кому приклеили такой ярлык?

— Нас всех объединяет понимание кризисного состояния, в котором находится современный театр, и готовность не идти на уступки его выдуманному закону — быть может, и удачным, но нынче ставшим догмой. И это не сводится к возрасту — сорокалетние драматурги подчас радикальнее двадцатилетних. Они настойчивее гнут свою линию и не капитулируют перед сценой. Вина драматурга перед театром и зрителем выдумана: никто никому ничего не должен, нам тоже хочется, чтобы было лучше. Просто мы верим, что для этого надо писать по-новому.

— Вы киевлянин?

— Да. В Москве я работаю. Я гражданин Украины и планирую им остаться. В Киеве я учился в университете на истфаке, а в Москве поступил в Литинститут.

— Как же вы выживали в Москве?

— Так же, как и все мои сокурсники.

— Кое-что я знаю: вы писали компьютерные программы, торговали видеокассетами...

— Программы не писал, видеокассетами торговал, работал в Дебют-центре, занимался разными халтурами... Словом, все как у всех.

— Жить на гонорары сейчас не могут даже очень известные, немолодые драматурги. Думаю,

прокормиться своим творчеством не могут и молодые.

— Это так. Десятку лучших драматургов Москвы я знаю: сложно найти профессию, где десятка первых людей была бы так небогата. Но я верю, что ситуация изменится.

— Театр — искусство не очень модное и популярности не приносящее. Одаренный человек мог бы найти более благодарное дело.

— А мне кажется, что театр штука вполне благодарная. Он имеет разумный цикл — период от написания до постановки пьесы примерно равен времени, происходящему от зачатия до рождения ребенка (если все идет нормально, конечно). И затраченная тобой энергия быстро возвращается в виде спектакля.